

КОНЦЕПЦИЯ НАУКИ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Наука, интерпретация, социология науки, философия науки, дарвинизм

В историю русской и мировой мысли Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885) вошел как создатель теории культурно-исторических типов. Как известно, эту теорию он изложил в книге «Россия и Европа» (журнальный вариант увидел свет в 1869 году, а отдельное издание – в 1871). Эвристический потенциал теории культурно-исторических типов неоднократно реализовывался в социально-философской мысли XX века. Если брать только русские концепции, то это и учение евразийцев, и теория этногенеза Л.Н. Гумилева, и блестящий анализ отечественной истории последнего столетия в книге С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация».

Следует, впрочем, заметить, что большая часть жизни Данилевского была посвящена деятельности на ниве естествознания. Он окончил знаменитый Царскосельский лицей, а затем в качестве вольнослушателя обучался на естественном факультете Санкт-Петербургского университета. Получив основательное естественно-научное образование, Данилевский оставил яркий след в различных практических областях – занимался изучением рыбного хозяйства России в составе экспедиции К. фон Бэра, боролся с филлоксерой в Крыму, был директором Никитского ботанического сада.

Ориентированность на научное познание заметна уже в ранних работах Данилевского – статьях, посвященных «Космосу» знаменитого немецкого натуралиста А. фон Гумбольдта. В них молодой мыслитель критически оценивает стремление новоевропейской науки к противопоставлению человека и природы. Естественно, что его отношение к планам по господству над природной реальностью еще более негативно. Кроме того, нельзя забывать, что Данилевский был видным специалистом в области биологии, занимавшим ярко выраженную антидарвинистскую позицию. Серьезное теоретическое обоснование этой позиции он дал в двухтомнике «Дарвинизм. Критическое исследование». К сожалению, Данилевский не успел завершить этот труд, он был издан посмертно (1885-1889).

Вторая половина XIX века – эпоха бурного расцвета отечественной науки. Это имело серьезные последствия и для интерпретации феномена науки в рамках различных философских учений. На русской почве возникают концепции, стремившиеся либо истолковать науку как панацею от всех бед, либо ее полностью отвергнуть. Концепции первого толка отстаивали сторонники позитивизма и материализма – так называемые «шестидесятники». Для них было характерно наивное превознесение естественных наук, которые понимались в качестве панацеи от всех бед. Самым последовательным апологетом науки в русской философии интересующего нас периода был Н.Ф. Федоров – основоположник космизма. Наука и техника получают в «Философии общего дела» едва ли не религиозный статус. Прямо противоположную точку зрения отстаивал Л.Н. Толстой. Заслугой Федорова надо признать обозначение предельных целей развития современной науки и техники. Несомненный вклад Толстого – подчеркивание ценностных аспектов познания, отказ приносить экзистенциальную проблематику в жертву сциентистским установкам [1].

Обозначив исторический контекст, обратимся к наиболее известной работе Данилевского – «Россия и Европа». Проблемы социологии как науки стали предметом анализа в шестой главе этого произведения. В ней автор развивает тему национальности в науке. В начале главы Данилевский отвечает на три основных возражения, которые традиционно выдвигались против возможности народного характера научного знания. Вот как они звучат: «1. Истина – одна, следовательно, и наука, имеющая истину своим предметом, также одна. 2. Наука преемственна; выработанная одним народом, одним веком переходит в наследие другим векам и народам, которые могут продолжить здание науки только на прежнем основании. <...> 3. Самый язык, общий поэту и его соотечественникам, ставит художника в теснейшую зависимость от его слушателей или читателей и составляет уже необходимую причину национального характера произведений словесности; при переводе же красота их всегда теряется. Между тем, язык не имеет большого значения в деле науки, и для нее может быть употребляем какой бы то ни было, известный большинству образованных или ученых людей язык, хотя бы даже мертвый, как, например, латинский» [2, с.109-110].

Отвечая на подобные возражения, Данилевский приводит ряд своих аргументов. В поиск истины неизбежно вовлекаются индивидуальные особенности исследователя, которые в свою очередь обусловлены характером его образования, воспитания, национальной психологии, то есть теми элементами, которые имеют непосредственное отношение к миру ценностей. Другое возражение связано с тем, что, признавая разновременность в постижении истины, оппоненты национального принципа в науке должны были бы признать и ее «разноместность», вовлечение в ее поиски представителей различных этнических групп. Это, в свою очередь, объяснило бы предрасположенность тех или иных народов к соответствующим отраслям знания. Так, автор «России и Европы» указывает на первенство французов в чистой и прикладной математике, немцев – в лингвистике или сравнительной филологии, англичан – в прикладной астрономии и геологии. При этом, если развитие прикладной астрономии в Англии можно объяснить практическими нуждами (нация мореплавателей), то развитие на английской почве геологии или в Германии лингвистики подобными аргументами объяснить нельзя. Необходимо обратиться к особенностям душевного склада представителей той или иной нации.

Данилевский следующим образом резюмирует причины, по которым наука должна, наряду с другими сторонами цивилизации, носить национальный характер: «1. предпочтение, оказываемое разными народами разным отраслям знания; 2. естественная односторонность способностей и мировоззрения, отличающая каждый народ и заставляющая его смотреть на действительность со своей особой точки зрения; 3. некоторая примесь субъективных индивидуальных особенностей к объективной истине, – особенностей, которые (как и все прочие нравственные качества и свойства) не случайно и безразлично разделены между всеми людьми, а сгруппированы по народностям, и в совокупности составляют то, что мы называем народным характером» [2, с.113].

Анализируя историю базовых наук, Данилевский выделяет пять основных ступеней их развития. Таковыми выступают: стадия накопления материала, создания искусственной системы, выработки естественной системы, выведения частных эмпирических законов и, наконец, венчает развитие той или иной науки формулировка общего рационального закона. В этой связи любопытна периодизация развития астрономии – науки, прошедшей весь цикл развития, данная Данилевским. Создание искусственной системы здесь – заслуга грека Гиппарха. Естественная система была создана усилиями «славянина-поляка» Коперника. Частные эмпирические законы были выведены немцем Кеплером. Наконец, формулировка общего рационального закона принадлежит англичанину Ньютону [2, с.119-121].

Последняя стадия, формулировка общего рационального закона, завершает процесс осмысления той или иной стороны природной реальности. Показательно, однако, что именно создание искусственной системы автор «России и Европы» считал решающим шагом в развитии науки, ибо она освобождает знания из-под власти «посвященных» (жрецов, магов и т.д.) и делает их доступными всякому, стремящемуся посвятить себя науке. В этом отношении Данилевский предвосхищает историографию науки XX столетия, которая отдает должное даже ложным концепциям, сыгравшим важную роль в развитии научных представлений (теория флогистона, эфира и т.д.).

В «России и Европе» содержится также анализ вклада представителей той или иной народности в развитие научного знания. Например, немцы сыграли выдающуюся роль на этапе создания искусственных систем в различных областях знания (неорганической и органической химии, минералогии, геологии), но не участвовали в выработке естественных систем. Напротив, французы преобладали в деле создания естественных систем, но не участвовали в разработке систем искусственных. Англичане, соединяющие в этнографических и лингвистических аспектах две великие континентальные нации, в процессе развития науки играют аналогичную роль. Они оказываются своеобразным посредующим звеном между французами и немцами.

Любопытную параллель этим мыслям Н.Я. Данилевского мы найдем в работах П. Дюгема – выдающегося французского физика и историка науки конца XIX – начала XX века. Дюгем занимался исследованием национальных тенденций в мировой науке. Интерпретируя историю физики, он выделял английскую (стремящуюся построить механические модели физических теорий), французскую (довольствующуюся чисто математической дедуктивной формой теории) и, наконец, немецкую (с ее тенденцией к абстрактной математической дедукции, то есть с установкой на полную формализацию знания) школы. Здесь нетрудно увидеть параллель мыслям Данилевского о склонности французов к созданию естественных систем в науке, а немцев – искусственных.

Данилевский признает, что результаты научного знания больше других сторон цивилизации является достоянием всего человечества, но для того, чтобы они появились, необходимо задействовать, позволим себе современный термин, особенности национального менталитета. Вот как это звучит у самого автора: «Плоды науки суть действительно достояние всего человечества в большей мере, чем прочие стороны цивилизации, которые в такой полноте не могут передаваться от народа к народу, особенно же – от одного культурно-исторического типа другому; но что самое произращение этих плодов, то есть обработка и развитие наук носит на себе не менее национальный характер, чем искусство, народная и государственная жизнь» [2, с.132].

Данное положение применимо к области естествознания, но в еще большей степени оно относится к сфере общественных наук. Ко второй половине XIX века национальная специфика политического и гражданского устройства признавалась большинством исследователей. По мнению Данилевского, оставалась лишь одна общественная наука, которая претендовала на универсальность своих положений – политическая экономия. Эта наука стремилась распространить выводы, сделанные в результате анализа развития английской экономики, на экономические отношения вообще. Но и она, указывал автор «России и Европы», не может претендовать на всеобщность, ибо английская экономика – уникальное явление, не повторяющееся в других странах.

В заключение интересующей нас главы Данилевский делает общий вывод: «Национальность менее всего проявляется в науках простых по своему содержанию или очень высоко стоящих по своему развитию, – в таких науках, к которым приложимы строгие методы исследования. Эти методы и составят препятствие проявлению народности или вообще индивидуальности в несколько значительной степени. Здесь роль народности ограничивается почти лишь способом изложения и выбором методов исследования, если таких приложимых методов несколько. Роль народности в науках увеличивается по мере усложнения предмета, не допускающего введения точной и строгой методики. Если науки эти не принадлежат к разряду наук общественных, то причина национального характера, который они могут и должны принимать, зависит от особенности психического строя каждой народности, в особенности же каждого культурно-исторического типа. Наиболее же национальный характер имеют (или, по крайней мере, должны бы иметь для успешности своего развития) науки общественные, так как тут и самый объект науки становится национальным» [2, с.135].

Американский исследователь А. Вучинич трактует Н.Я. Данилевского как социолога науки [3, с.98-111]. В этом с ним соглашается наш соотечественник К.В. Султанов [4, с.270]. Это абсолютно правильно, особенно если признать Данилевского первым социологом науки на русской почве. Но, как нам представляется, автор «России и Европы» сделал больше, чем просто социологический анализ науки. Данилевский дал блестящий образчик социально-психологического и даже антропологического подхода к истории науки, акцентируя внимание на субъективной стороне научного познания. Действительно, если серьезно подходить к истории науки, то важно не только «что» и «как», но еще «кто», «где» и «когда» совершил то или иное открытие. Речь идет о социокультурных аспектах науки, которые стали предметом серьезного исследования уже в XX веке.

Как мы уже говорили в начале статьи, Данилевский был серьезным специалистом в области биологии, занимавшим ярко выраженную антидарвинистскую позицию. Познакомившись с концепцией Дарвина в 1861 году в Норвегии, где он участвовал в VI международном съезде врачей и естествоиспытателей, русский мыслитель воспринял ее враждебно. Показательно, что он не побоялся выбрать объектом критики концепцию, которая очень быстро обрела многочисленных адептов и превратилась в одну из «священных коров» европейского сциентизма.

Данилевский понял, что теория эволюции – не столько биологическое, сколько философское (или идеологическое) учение. Дарвинизм, по его словам, оказывается «куполом на здании механического материализма». Антителеологизм, лежавший в основании дарвиновской концепции, делает нелепость, бессмысленность, случайность единственными господами мира и природы. Оценив теоретические и практические последствия торжества эволюционной теории, русский ученый оказался в числе «самых решительных противников дарвинова учения, считая его вполне ложным» [5, с.62].

Яростными пропагандистами антидарвиновской концепции выступили также Н.Н. Страхов и В.В. Розанов. Данное обстоятельство далеко не случайно, оно неразрывно связано с теоретическими и ценностными установками этих мыслителей. Выдающийся русский историк науки В.П. Зубов писал: «Показательно и знаменательно, что защитники организма были одновременно антидарвинистами и антиэволюционистами. Спор Страхова по поводу “Дарвинизма” Данилевского

достаточно известен. Иначе и быть не могло: органические виды, замкнутые и не переходящие друг в друга, находят свою параллель в замкнутых “культурно-исторических типах” и национальных организмах» [6, с.128].

Вместе с тем, указывал Данилевский, дарвиновская концепция имеет свои глубинные корни на родине ее создателя, четко вписывается в определенный социокультурный контекст. В шестой главе «России и Европы» Данилевский называл Дарвина выразителем типично английского воззрения на мир, характеризующегося либерализмом и идеей конкурентной борьбы. В этом отношении воззрения великого натуралиста находят параллель в концепции государства Т. Гоббса и политэкономии А. Смита.

Но Данилевский не ограничился выявлением социокультурных корней дарвинизма. Он продолжил критику эволюционной теории в своем фундаментальном труде «Дарвинизм». Этот труд, колоссальный по объему (около 1500 страниц) и охвату материала, своеобразно увенчивал целую серию работ, посвященных критике дарвиновской теории (Л. Агассис, К. фон Бэр, А. Виганд, А. Келликер и др.). Но даже на этом фоне произведение Данилевского выделялось всесторонним, критическим подходом. Н.Н. Воронцов признает оригинальность и серьезность тех возражений, которые выдвинул против учения Дарвина Данилевский. Автор «Дарвинизма» опирался на идеи К. фон Бэра, а единственным, по основательности и силе выдвинутых против эволюционной концепции аргументов, аналогом труда Данилевского оказывается трехтомное исследование немецкого ботаника Альберта Виганда «Дарвинизм и изучение природы Ньютоном и Кювье», увидевшее свет в 1874-1877 годах [7, с.220].

При этом русский автор не ставил своей целью опровергнуть враждебную ему теорию любой ценой. Он добросовестно излагает аргументы Дарвина, не подменяя их собственными домыслами. Обратимся к аргументам Данилевского против дарвиновской теории эволюции. В работах Дарвина русский критик отметил неправомерное распространение выводов, сделанных на основе наблюдения домашних животных и культурных растений на организмы, живущие в естественных условиях. Не трудно догадаться, что выбор тех или иных растений или животных для одомашнивания обусловлен их ярко выраженной способностью к изменчивости. Следовательно, результаты, которые мы наблюдаем в этих случаях, нельзя распространять на организмы, существующие в естественной среде. В случае одичания, а это относится, в первую очередь, к растениям, данные организмы возвращаются в исходное состояние. Заключение о большей изменчивости диких растений и животных, сравнительно с окультуренными, является дарвиновским софизмом. Наконец, даже те изменения, которые мы наблюдаем у одомашненных животных и растений, никогда не выводят их за рамки определенного «вида».

Обратил внимание Данилевский и на важнейшее для дарвинизма учение о борьбе за существование. С точки зрения русского критика эта борьба не обладает теми свойствами, которые ей приписывал Дарвин. В природе она совершенно лишена необходимых для произведения отбора свойств – крайней интенсивности, непрерывности и единства направления. Все эти характеристики в качестве природных компонентов эволюции Дарвин сильно преувеличил. Данилевский, как и другие оппоненты Дарвина, не отрицал самой борьбы за существование, но скептически относился к той интерпретации, которую она получила у классика эволюционизма. Он считал, что борьба за существование определяет биогеографические факторы определенного распределения организмов, но не имеет биологического значения.

Теория естественного отбора, указывал Данилевский, не объясняет большое количество бесполезных и даже вредных признаков, которые мы обнаруживаем у различных организмов. При эволюции должны существовать переходные формы, но ни в современном мире, ни среди вымерших видов таких форм мы нигде не обнаруживаем. Связи между вымиранием одних видов и возникновением новых, считал русский критик Дарвина, нет. Как указывал автор «Дарвинизма», теория эволюции не вписывается во временные рамки. Никаких миллиардов лет не хватило бы для происхождения всего многообразия живых организмов по схемам, предложенным Дарвином. Наконец, использует Данилевский и своеобразный эстетико-телеологический аргумент – если бы дарвиновская теория была бы верна, то современный мир выглядел бы иначе. Как нам представляется, автору «Дарвинизма» удалось отметить ряд действительно слабых мест дарвиновской теории эволюции, которые преодолевались в последующем развитии биологии.

Таким образом, идеи Данилевского – не только философско-исторические, но и научные, продолжали вызывать дискуссии много лет спустя после его смерти. Помимо того, что автор «России

и Европы» стал родоначальником отечественной социологической науки, он, наряду с другими представителями позднего славянофильства (Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов), также внес значительный вклад в анализ антропологических аспектов научного знания. Именно антропологический смысл научных знаний, как утверждает В.И. Стрельченко, представляет особую важность в рамках современной философии науки [8, 12-13].

Л и т е р а т у р а

1. **Кожурин А.Я., Кучина Л.И.** Споры о границах и ценности науки в русской философии второй половины XIX – начала XX века // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2008. – № 3 (55). – С.107-116.
2. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому.– СПб., 1995.
3. **Vucinich A.** Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society. 1861-1917. Chicago-London, 1976.
4. **Султанов К.В.** Наука как культурно-исторический феномен (концепция Н.Я. Данилевского) // Стратегии взаимодействия философии, культурологии и общественных коммуникаций. – СПб., 2003.
5. **Данилевский Н.Я.** Дарвинизм. Критическое исследование. – М., 2015.
6. **Зубов В.П.** Из истории мировой науки: Избранные труды 1921-1963. – СПб., 2006.
7. **Воронцов Н.Н.** Развитие эволюционных идей в биологии. – М., 2004.
8. **Стрельченко В.И.** Очерки истории и философии науки. – СПб., 2012.